

Сквозь всю жизнь

«Когда я «встретился» с Ильичем? Этот вопрос, наверное, задают каждому актеру, которому посчастливилось сыграть Ленина. Я не могу точно ответить на этот вопрос, скажу только одно: Ленин вошел в мою творческую жизнь гораздо раньше, чем я впервые вышел в этом образе в спектакле «На берегу Невы». Потому что сколько я помню себя на сцене, столько я готовился к этой встрече.

Мечта — сыграть Ильича была у меня, тогда молодого московского актера, достаточно в те годы безосновательной. Но «подготовка» имела совершенно конкретные формы. Я стал каждый день ходить в Центральный музей Владимира Ильича Ленина; это стало не просто привычкой, но настоящей потребностью души. Я скрупулезно изучал все свидетельства гениальной деятельности этого великого человека, всей его изумительной жизни, исполненной такого горения, такого огромного, исторического смысла.

Я продолжал работать в театре, играл какие-то роли, — а в свободное время собирал фотографии, вырезки из газет и журналов, где рассказывалось о Ленине или были помещены его изображения. В конце концов в моем альбоме накопилось приблизительно две тысячи таких вырезок. Потом, когда я уже стал играть Ленина, эти многочисленные фотографии мне чрезвычайно пригодились.

Неизгладимое впечатление оставил у меня первый в истории театра спектакль с образом Ленина — «Человек с ружьем» в театре имени Вахтангова, когда замечательный художник Б. Щукин совершил свой актерский подвиг. Все знают, чем стал этот спектакль для развития советского театра. Меня же он необыкновенно воодушевил.

Список пьес о Ленине тогда был,

по сути, ограничен «Человеком с ружьем». Тем более не было пьес о молодом Ленине (а я, по возрасту, мог бы играть только молодого Ильича). И тогда я...сам решил написать пьесу. Это было вполне серьезное решение! Я даже успел написать одну картину. Многие отнеслись к этому опыту скептически. Да я и сам оставил работу: одного горячего желания для литературного успеха, и тем более для решения такой огромной и глубокой задачи, было явно недостаточно. Зато попытка эта дала мне колоссальный дополнительный материал о жизни и деятельности вождя!

Мечта моя — сыграть Ленина осуществилась спустя двадцать лет. Это было уже когда я начал работать на Дальнем Востоке, в театре Тихоокеанского флота. Мы поставили, как я уже упоминал, спектакль «На берегу Невы». Кто думает, что в этой ситуации работалось легко, — тот ошибается. У меня перед выходом было такое чувство, какое, наверное, бывает перед тяжелой хирургической операцией. Вдруг ощущимой стала огромная ответственность, которую я принял на свои плечи. Я был к тому времени уже опытным актером, но от этого только острее сознавал свою ответственность. Думаю, что если зритель «принял» меня в этом образе, то тут сыграли роль и его, зрительские горячие чувства к Ленину, его благодарность за то, что театр рискнул на такой трудный шаг.

Следующая пьеса, «Вечный источник» Зорина, мне не понравилась. Я и до сих пор считаю, что автор очень робко подошел к теме. Владимир

Ильич, по воле автора, разговаривал в этой пьесе готовыми формулировками из учебника. Это противоречило всему, что я знал об Ильиче, с чем успел за долгие годы сродниться.

И как же мы, актеры, были вознаграждены Николаем Погодиным, его «Кремлевскими курантами» и «Третьей, патетической!» Я играл в обоих спектаклях («Куранты» шли у нас, в театре флота, а «Третью, патетическую» довелось играть в другом городе). Вот об этих спектаклях я вспоминаю как о своем актерском празднике, как о свершении своей давней мечты. Н. Погодин, вдумчивый исследователь и художник, и актера подталкивает к новым исследованиям. Я работал поистине захваченный тем новым, что открылось мне в бога-

тейшей сокровищнице образа, — изучал и заново восхищался челоюеческими качествами Ильича; и много думал о жизни, думал, сравнивал, — и снова брался за листки роли...

Спектакль этот заслужил достаточно высокую оценку. Но могу ли я сказать, что в нем удалось всесторонне раскрыть великий образ?

Нет, конечно. И вряд ли это сможет сказать о себе хоть один актер, которому, как и мне, выпала честь играть вождя. Потому что сокровищница этой великой души неисчерпаема. И наши драматурги продолжают работу над ленинской темой. После «погодинских» я играл Ленина в пьесе якутского автора, которая называлась «Товарищ Максим», и в нынешнем сезоне — в пьесе В. Усланова «Покушение на Прометея». Обе они,

к сожалению, не относятся к большим успехам драматургии. В «Покушении» текст показался мне совершенно «не ленинским», не чувствовалось ленинского интеллекта, ленинской страстности, ленинской убежденности. И тогда я разыскал в Сочинениях Ильича подлинный текст его речи, произнесенной (как это происходит и по пьесе) во время проводов красногвардейцев на фронт. Речь эту я выучил, она была полна такой воодушевляющей мысли и страсти! Ею и дополнил материал пьесы.

Сколько бы ни было уже написано пьес о Ленине, сколько бы ни сыграно, — а каждая новая пьеса и каждый новый спектакль о нем все равно подобен путешествию в неизвестное.

Я твердо уверен, что открытия — впереди.

А. КРЮКОВ,
заслуженный артист РСФСР,
актер театра Тихоокеанского флота.